

Иван Панаев

Шарлотта Федоровна

Иван Иванович Панаев

Шарлотта Федоровна

(Очерки из петербургской жизни)

«Я шел по Невскому проспекту утром на второй день масленицы. Молодой, только что выпущенный гусар, еще без усов, сын одной моей старинной знакомой, за которым ехали сани парой с крутозавившейся на отлете пристяжной, на которую он беспрестанно оглядывался, остановил меня восклицанием:

– Charmé de vous voir!...»

Иван Иванович Панаев
Шарлотта Федоровна
(Вовсе не детский рассказ)

Я шел по Невскому проспекту утром на второй день масленицы. Молодой, только что выпущенный гусар, еще без усов, сын одной моей старинной знакомой, за которым ехали сани парой с крутозавившейся на отлете пристяжной, на которую он беспрестанно оглядывался, остановил меня восклицанием:

– *Charme de vois voir!*

– Здравствуйте, – отвечал я.

– А что, вы будете, – продолжал гусар, вставляя в глаз стеклышко и смотря на меня, хотя он мог видеть меня легко простым глазом, потому что мы стояли лицом к лицу, – будете завтра на пикнике, который устраивает Шарлота Федоровна?

– Что такое? – спросил я.

Он повторил свои слова.

– Шарлота Федоровна! А-а! Так Шарлота Федоровна дает пикник?

– Да завтра, батюшка, весь город там, все наши!

– Весь ваш полк?

– Нет, *quelle idee!* я разумею все наши, то

есть все порядочные люди... Сережа Вельский, Саша Гребецкой...

– Вот что! Ну прощайте, желаю вам веселиться, – сказал я.

Пройдя несколько шагов, я был опять остановлен, но на этот раз моим старым приятелем.

– Очень рад, что я тебя встретил, – сказал я ему, – мне ты нужен. Я хотел зайти к тебе завтра вечером, чтобы переговорить об одном деле.

– Завтра?.. пожалуй... – отвечал он нерешительно и как будто припоминая что – то. – Ах нет, завтра не могу. Я совсем забыл, завтра я на пикнике у Шарлоты Федоровны...

Опять Шарлота Федоровна!

– Да что это за пикник? – спросил я.

– Я ничего не знаю, мне навязали билет, и я заплатил за него двадцать пять рублей. Заплатив такие деньги, нельзя же бросить билет в печку: к тому же мне любопытно посмотреть, что это такое; говорят, там будут все известные хорошенькие петербургские женщины. Поедем-ка. Это, право, любопытно.

– Не знаю, может быть, – отвечал я, про-

стившись с моим приятелем.

В этот день я обедал у Донона.

Против меня сидели два молодых человека, неизвестных мне. Они разговаривали очень громко, смешивая русскую речь с французскими фразами, пересыпали разговор блестящими аристократическими именами, одеты были франтовски, называли всех лакеев по именам, обращались к самому Донону с дружескою фамильярностью, несмотря на то, что Донон оказывал им совершенное хладнокровие, и посматривали на меня и на других обедавших в этой комнате с таким выражением, как будто хотели сказать: «Что вы за люди? откуда вы?» Нетрудно было догадаться, что эти джентльмены средней руки принадлежали к тому многочисленному классу петербургских праздношатающихся, для которого беспечное стремление к *сomme il faut* есть цель всей жизни, а величайшее счастье и благо — достижение чести пройтись по Невскому проспекту или посидеть в театре в первом ряду кресел с каким-нибудь князем, графом и вообще великосветским господином. Джентльмены эти кушали блины с ик-

рой и запивали их холодным шампанским.

– А я с нетерпением жду завтрашнего дня, – сказал один из них так, чтобы все мы слышали. – Я уверен, что будет чудо как весело. Уж если за это взялась Шарлота Федоровна, я уверен, что все будет устроено отлично. Ah! Elle a du chic, cette femme, cher ami! Прелесть что за женщина! Я вчера был у нее целое утро с Сережей Вельским...

– Арманс приготовила для этого пикника удивительный туалет, – возразил другой.

– Но все-таки, – перебил первый, – Шарлота Федоровна будет la reine du bal... Il n'y a pas de doute...

Пикник и Шарлота Федоровна преследовали меня целый день.

Пикник этот, как я слышал на другой день, действительно удался. Все самые ценные петербургские камелии участвовали в нем... Туалеты их были блистательны, кринолиновые юбки поражали своими размерами: дамы эти, несмотря на их изящный вкус, любят немного преувеличивать моду. Вся великосветская молодежь, военная и штатская, присутствовала на этом пикнике со своими двой-

никами и подражателями. Для пикника этого нанята была одна из больших меблированных дач Лесного института, ужин готовил Дюссо, конфеты и мороженое были от Сальватора, оркестр конногвардейский. Танцевали до шести часов утра. Царица бала была действительно, по общему сознанию, Шарлота Федоровна. Ее туалет убил все туалеты, и, в самом деле, он отличался неслыханным вкусом и удивительно шел ей к лицу. Все дамы, даже те, которые считались самыми близкими ее приятельницами, кипели, как следовало ожидать, против нее в этот вечер неприемлемою враждою и мучительною завистью. Арманс отпускала на ее счет разные колкости. Успех Шарлоты Федоровны злобно одушевлял ее. Она пустила в ход всю свою французскую любезность и живость и в контрадансах так ловко и беззастенчиво канканировала, что многих привела в восторг и возбудила самые энергические рукоплескания. Но такая безграничная веселость Арманс привела в негодование Шарлоту Федоровну. Шарлота Федоровна была оскорблена неприличным поведением этой француженки, потому что

Шарлота Федоровна корчила, говорят, великосветскую даму и танцевала с необыкновенным чувством достоинства.

Что такое Шарлота Федоровнам, читателю, даже иногороднему, объяснить, я полагаю, не нужно. К тому же я представлял несколько очерков такого рода дам, и если я снова обращаюсь к этим дамам, то это не оттого, чтоб я питал к ним особенную нежность; не потому, чтоб я слишком увлекался ими и находил особенное удовольствие говорить о них... Но нельзя не обратить внимания на то, что в последнее время эти размножающиеся с каждым днем дамы начинают играть роль довольно заметную, выходят иногда из своей сферы и приобретают вне ее силу и значение. С этими прелестными Луизами, Бертами, Армансами и Шарлотами Федоровнами, которые бросаются в глаза всем роскошью, выходящею из всех границ, соединяются, быть может, вопросы весьма серьезные. Эти госпожи – явление не случайное, и рассказы об них могут быть не одною пустою и праздною болтовнею, потому что из этих рассказов читатель, наблюдающий и размышляющий, мо-

жет извлечь некоторые данные, не лишённые любопытства, о жизни и о степени нравственного состояния некоторого класса общества.

Шарлота Федоровна в сию минуту львица между всеми этими дамами. На нее обращено великосветское внимание, об ней толкуют во всех кружках петербургского общества, ее знают все... по крайней мере по имени. Она самая модная из всех камелий; об ее роскоши рассказывают баснословные анекдоты даже на Петербургской стороне, и я теперь передам моим провинциальным читателям (для петербургских все это уже неинтересно) некоторые самые любопытные черты из ее жизни.

Шарлота Федоровна появилась в Петербурге лет восемь тому назад. Она вывезена была из какого-то немецкого городка и первое время после своего приезда называлась Иоганной. Под этим именем она была известна всему богатому и веселящемуся Петербургу. Иоганне было тогда девятнадцать лет. Она не могла не обратить на себя особенного внимания знатоков. Они приходили прежде всего в восторг от ее ручки и ножки. Иоганна в этом

случае была исключением из немок, потому что немки вообще не отличаются красотой ног и рук. Потом знатоки приходили в восторг – и совершенно справедливый – от ее гибкой и тонкой талии, от изящной формы ее плеч, сквозь прозрачную белизну которых виделись тоненькие голубоватые жилки, от ее удивительно тонкого профиля, от особенно симпатического выражения ее лица, оживленного синими продолговатыми глазками, в которых иногда сверкали какие-то искры, и от густой, падавшей до колен косы пепельного цвета. Те, которым этот портрет покажется преувеличенным, могут посмотреть в сию минуту на Шарлоту Федоровну в опере, на гуляньях или, наконец, быть ей представленными, чтобы убедиться, что я не прибавил к нему ни одной черты, потому что с тех пор она мало изменилась. Несмотря на это, прежнюю Иоганну нельзя почти узнать в настоящей Шарлоте Федоровне. Иоганна одевалась или, вернее сказать, ее одевали без всякого вкуса, волосы причесывали какими-то безобразными колечками и завитками. Иоганна совсем не умела держать себя и, ломаясь, по-

вторяла своим неотвязчивым поклонникам: «Lassen Sic mich». Превращаясь постепенно из Иоганны в Шарлоту Федоровну, она обнаружила удивительную наблюдательность и необыкновенную способность воспринимать весь наружный блеск, все внешние условные формы со всеми их тонкими и неуловимыми для простого глаза оттенками. Через три года после своего приезда в Петербург, когда она под покровительством какого-то господина, влюбившегося в нее, обзавелась своим маленьким хозяйством и квартиркой, – ее нельзя было узнать. Она сделалась развязною, начала болтать довольно порядочно по-русски, перестала говорить Lassen Sic mich, обнаружила вкус в выборе своих туалетов и вела себя с таким тактом и с такою скромностью, что на улице или в театрах ее можно было бы принять за порядочную женщину, если бы не сопровождавшая ее толстая наперсница очень странного вида, в желтых, довольно грязных перчатках и в поношенной французской шали, которая бросала на нее невыгодную и подозрительную тень. По мере того как средства Шарлоты расширялись, жажда блес-

ка и роскоши росла в ней, раздражаемая примерами Берты, Луизы и других, которые еще обращались с нею тоном покровительства и допускали ее только иногда, в те часы, когда у них никого не было, в свой блестящий круг. Экипажи Фребелиуса, туровские и гамбсовские мебели, лакеи со штиблетами не давали ей покоя. Но она смотрелась в зеркало, задумывалась на минуту, синие глазки ее загорались искрами, и, лукаво улыбаясь, она почти вслух говорила самой себе: «У меня непременно будет все это!»

И действительно, не прошло года, как в один прекрасный солнечный день на Дворцовой набережной, в час гулянья, промчалась темная коляска безукоризненного вкуса, запряженная парюю темно-серых рысаков, с толстым кучером на козлах, с огромной черной бородой, и с тоненьким лакеем в гороховом сюртуке и штиблетах, с небольшою кокардою на круглой шляпе и со сложенными накрест руками, — коляска, в которой сидела, прислонившись к одному углу с очаровательной небрежностью, прелестнейшая женщина с пепельными волосами, в восхитительном

туалете.

Все глаза, стеклышки и лорнеты обратились на эту коляску...

– Кто это? Что это такое? *Quelle jolie femme! Charmante!* Просто чудо! – посыпались вопросы и восклицания со всех сторон.

– А я знаю, кто это, – сказал с некоторым торжеством один из гулявших.

– Ну, да говорите же кто! – воскликнуло несколько голосов с нетерпением.

– Шарлота.

– Какая Шарлота?

– Ну, просто Шарлота. Она, говорят, живет с каким-то купцом.

Имя Шарлоты начало переходить от одного к другому, и известность ее в эту минуту была уже упрочена. Никому и в голову не приходило, что эта прелестная женщина была некогда известна многим из них под именем Иоганны.

Целую неделю после этого великосветская петербургская молодежь только и толковала о Шарлоте. Вслед за тем Шарлота начала являться в абонированной ложе в опере и во всех бенефисах в балете, производя неописан-

ный эффект. Вся блестящая молодежь уже увивалась около нее.

Совершенное невежество и неумение говорить выкупалось в ней природной хитростью и ловко усвоенными ею грациозными движениями и живописными позами, которые она принимала в известные минуты с величайшим искусством и необыкновенно привлекательною улыбкою, во время которой лицо ее имело такое выражение, которое так невольно и влекло к ней... Безграмотность и невежество (Шарлота с трудом подписывала свое имя) нимало, впрочем, не вредили ей; все эти блестящие господа, окружавшие ее, не были прихотливы на этот счет, потому что сами они от Шарлоты отличались только тем, что свободно болтали по-французски и читали романы Фудра и Дюма, о которых Шарлота, разумеется, никогда не слыхала.

Хотя Шарлота одинаково, по-видимому, кокетничала со всеми, но наблюдательный глаз мог заметить, что она начинает обращать особенное внимание на одного из них... я назову его хоть князем Езерским, потому что надобно же хоть как-нибудь назвать его. Он и

она как-то уж слишком часто поглядывали друг на друга, и между им и ею начались уже телеграфические знаки. Шарлота чувствовала к нему влечение прежде всего потому, что он носил громкое имя и очень основательно считался тончайшим цветом великосветскости и образчиком военного *comme il faut*. Действительно, никто не привешивал с таким искусством аксельбанта, никто так ловко не пристегивал эполет, ни у кого не было сюртука такого покроя, никто так ловко не носил своей сабли, ни у кого из-под широких рукавов сюртука не выглядывало белье такой удивительной белизны и тонкости, ни у кого не было таких изящных запонок и английского пробора, расчесанного с таким искусством; никто не был так смел с женщинами и никто не танцевал ловче и лучше его. Он породил тьму подражателей; к тому же весь город кричал об его неслыханных успехах между женщинами и особенно о его победе над одной великосветской барыней, которая почему-то преимущественно обращала на себя внимание Петербурга. Шарлота очень хорошо понимала, что близость ее отношений к этому че-

ловеку придаст ей еще более блеску и что Берта, Луиза, Арманс с ума сойдут от зависти, узнав об этом, потому что и Берта, и Луиза, и Арманс наперерыв друг перед другом употребляли всевозможные ухищрения кокетства, чтобы завлечь князя в свои сети. Замечательно то, что все эти дамы не имели относительно его никаких корыстных целей, потому что состояние его (это знали все) было очень расстроено и ограничено. Каждая из них, соблазненная единственно блеском его имени, его светскими успехами и тою ролью, которую он играл между великосветскою молодежью как утонченнейший представитель *comme il faut*, руководилась одною только соблазнительною мыслию иметь его своим другом, своим Артюром, как говорят французы, своим *amant de coeur*, потому что эти дамы не могут обходиться без Артюров. Отдаться бескорыстно человеку незначительному и темному нет никакой выгоды. Необходимо, чтобы Артюр удовлетворял по крайней мере хоть тщеславию, чтобы частицу своего блеска он уделил своей возлюбленной, чтобы он был или модный художник, или необыкновенный

артист, или безукоризненный comme il faut; чтоб он был непременно героем в каком бы то роде ни было, чтобы об нем везде и все кричали, чтобы ему удивлялись, завидовали, подражали и рукоплескали...

Князь был один из самых привлекательных Артюров, потому что он в этом случае удовлетворял всем условиям. Великосветскость для этих дам все-таки выше всех талантов, и они всегда предпочтут сценическому герою – героя салонного. Но независимо от всего, князь был так хорош собой, черты лица его были так тонки, темные волосы так мягки и густы, усы, оканчивающиеся одним волоском, так красивы, небольшие карие глаза так хитры и привлекательны, что если бы он даже не был тем, чем был, – он и тогда, я в этом уверен, мог бы подействовать на впечатлительную Шарлоту. Шарлота, как все немки, была при этом немножко сантиментальна и в патетические минуты говорила несколько нараспев.

В то самое время, как князь начал ухаживать за Шарлотой, к ней начал ездить очень богатый и уважаемый всеми господин. Он

знал князя с той минуты, как тот вышел из пеленок, и был всегда особенно расположен к нему, но ему было неловко встретиться с ним у Шарлоты; к тому же к этой неловкости при- мешивалась ревность. Шарлота все это тот- час смекнула. Она устроила так, чтобы всеми уважаемый господин никогда не мог встре- титься у нее с князем, нарочно отзывалась о князе, когда о нем заходила речь, с совершен- ным равнодушием и была до такой степени мила и внимательна с уважаемым всеми гос- подином, так пристально смотрела на его лы- сину в свой бинокль в театре, с такою непри- творною радостью встречала его, так соблаз- нительно ласкалась к нему, что уважаемый всеми господин, не отличавшийся никогда большою твердостью, совсем ослабел...

Через полгода после знакомства с ним Шарлота переехала на новую квартиру, о бас- нословной роскоши которой закричал весь город. Еще до ее переезда многие приезжали посмотреть на отделку этой квартиры. В осо- бенности всех приводил в восторг ее будуар во вкусе Помпадур и столовая из резаного ду- ба, в которой, начиная от огромного буфета,

на котором была вырезана звериная травля горельефом, до самой маленькой вещицы, все было самой утонченной артистической работы. Ее туалеты сделались еще роскошнее, экипажи еще блестящее (они выписывались из Лондона)... Шарлота затемнила окончательно всех своих соперниц, явилась во главе их и с тех пор называется не иначе, как Шарлота Федоровна.

Новоселье свое Шарлота Федоровна праздновала великолепным балом. Это был счастливый день в ее жизни. Она явилась перед всеми своими завистницами и соперницами в неслыханном блеске, и те, которые года три назад тому едва допускали ее к себе, – теперь невольно преклонились перед нею, в величии ее обстановки. Даже Арманс – ядовитая Арманс – ее непримиримый враг, смирилась перед этою роскошью и, с жадным и беспокойным любопытством рассматривая различные драгоценные украшения и вещи на каминах и зеркалах Шарлоты Федоровны, вдруг вскрикнула, обращаясь к окружавшим ее дамам, которые были крайне удивлены этим восклицанием: Ah!.. mais savez vous,

mesdames, que c'est une femme de beaucoup d'esprit... beaucoup! На бале Шарлоты Федоровны, кроме этих дам, были многие известные актрисы – немки и француженки. Общество мужчин было самое избранное, в смысле великосветском. Шарлота Федоровна вела себя с величайшим тактом и была со всеми одинаково любезна и предупредительна, даже с своими заклятыми врагами и завистницами. Она была в этот вечер счастлива и нарочно показывала всем свое особенное расположение к князю Езерскому. Ей как будто хотелось сказать: «Смотрите, я его люблю и он меня любит. Чего же наконец недостает мне?»

О бале Шарлоты Федоровны и о ее великолепном ужине говорили в городе несколько дней. Великосветские дамы начинали интересоваться Шарлотой Федоровной: они спрашивали об ее бале и, встречая ее на улице, не только измеряли ее с ног до головы, да же оглядывались. Женское любопытство пересиливало чувство аристократического достоинства...

Уважаемый господин – виновник всего этого блеска, который окружал Шарлоту Фе-

доровну, никогда не показывался на ее великолепных вечерах, но изредка, говорят, устраивал у нее особые вечера, на которые приглашал только своих коротких приятелей и сверстников. Шарлота Федоровна имела над ним власть неограниченную, которая усиливалась с каждым днем. Несмотря на это, домашние сцены и бури бывали довольно часто. Причиною их по большей части была ревность.

Уважаемый господин ревновал Шарлоту Федоровну ко всем, но менее всех к князю Езерскому, – так хитро и ловко она вела себя. Сцены эти обыкновенно оканчивались полным торжеством Шарлоты Федоровны. Все подозрения разбивались в прах. Ее невинность выступала во всем блеске, и уважаемый господин испрашивал у нее прощения со слезами и на коленях.

Между тем Шарлота Федоровна, сблизившись с князем Езерским из тщеславия, начала привязываться к нему не на шутку. Не было дня, в который бы они не виделись хотя на минутку... Встречи эти назначались в Английском магазине, у Елисеева, во время уст-

риц, и в других местах; а продолжительные свидания – в квартире одной из самых верных приятельниц Шарлоты Федоровны. Князь совсем не ездил к ней и только появлялся – и то не всегда – на ее званых вечерах. Эти свидания у приятельницы скоро оказались неудобными, и князь нанял для этой цели небольшую квартиру в одной из уединенных улиц, недалеко, впрочем, от центра города, меблировал ее просто, но со вкусом, поселил там преданного ему человека и завел маленькое хозяйство...

Когда Шарлота Федоровна в первый раз приехала на эту квартиру в условленный час, тайком, одна и в наемной карете, камин уже горел в маленькой гостиной и на столе зажжен был карсель под длинным бумажным колпаком. Князь в нетерпеливом ожидании сидел у камина с развернутою книгою на коленях... Здесь я кстати замечу мимоходом, что князь, считавшийся в свете очень образованным человеком, никогда никакой книжки, даже Поль-де-Кокова романа, не мог дочитать до конца... Он брал обыкновенно книгу, прочитывал две или три страницы – и задумывался...

мывался. Один из его приятелей, с которым он жил вместе, сказал ему однажды, когда он лежал в таком созерцательном положении с открытою книгою, опрокинутою переплетом вверх:

– Сознайся, что не можешь прочесть двух страниц сряду. Скажи, пожалуйста, неужели тебе веселее так лежать, ничего не делая?

– А ты полагаешь, – отвечал ему князь, улыбаясь, – что я ничего не делаю? ты ошибаешься, – я думаю, и это для меня гораздо важнее и полезнее всяких книг.

Приятель засмеялся...

– О чем же ты думаешь? – спросил он.

– Я мысленно, – отвечал князь очень серьезно, – ставлю себя в различные положения относительно разных лиц в обществе и делаю планы, как я должен и как буду вести себя в таком или в другом положении. Эта игра очень забавная, и она занимает меня гораздо более ваших романов, – прибавил князь, улыбаясь...

В ожидании Шарлоты Федоровны князь, сидевший у камина с развернутою книгою, занят был, вероятно, этой остроумною игрою.

Шарлота Федоровна вбежала в комнату в салопе и с муфтой... При виде пылающего камина она кинула муфту и захлопала в ладоши. Князь вскочил и бросился к ней, уронив книгу с колен. Он и не заметил, как вошла она, потому что Шарлота Федоровна не звонила и, не зная входа, прошла через заднюю лестницу... Князь расстегнул ей салоп, снял с нее шляпку... Шарлота Федоровна бросилась осматривать квартиру... Она была в восторге от всего, хотя приходиться в восторг было не от чего; она резвилась, радовалась, прыгала, как дитя, – и беспрестанно обнимала своего Сашу – так называла она князя... Она сама разливала чай, болтала без умолку ужаснейший вздор, передавала ему все сплетни, которые плели Арманс, Берта, Луиза и другие, опутывая друг друга. И князь слушал все это с величайшим любопытством и принимал во всем этом живое участие. Шарлота Федоровна начинала немножко говорить по-французски и вмешивала в разговор французские фразы... Князь смеялся над ее ошибками. Время летело незаметно. Было уже половина двенадцатого.

– Мне не хочется домой, – сказала Шарлота Федоровна, лениво потянувшись и заложив руки к косе, которая чуть-чуть держалась, слегка поддерживаемая небрежно воткнутой гребенкой. – Я бы здесь хотела остаться.

– Что ж? оставайся, – возразил князь.

Шарлота Федоровна вздохнула.

– Разве мне можно? – произнесла она печально, – он такой несносный, мой, такой ревнивый – беда. Он с ума сойдет, а я, Саша, хотела бы остаться с тобой долго, долго, до утра.

И Шарлота Федоровна, говоря это, с нежностью разглаживала густые и глянцевитые волосы князя.

– Ты не умеешь держать его в руках, – заметил князь.

– Неправда, ты меня не знаешь, у меня есть характер, у-у, какой характер! он рассердится и сейчас просит у меня прощенья, да еще на коленях; но нельзя же мне делать все, что я хочу. Я все-таки от него завишу. Ах, Саша, как мне скучно с ним! После театра он у меня сидит долго, все говорит, как меня любит; я задремлю, а он, я чувствую это и сквозь

сон, все глаза с меня не спускает, все смотрит мне в лицо, а я думаю – вот если б вместо него ты был тут...

– Ну, а если бы тебе вместо двадцати тысяч, – перебил князь, – дали, например, полную свободу и тысячи четыре в год, так, чтобы ты не нуждалась, ты бы бросила его?

Шарлота Федоровна задумалась.

– Скажи только правду. Шарлота Федоровна молчала.

Князь, улыбаясь, смотрел на нее в ожидании ответа.

– Может быть... – начала она и остановилась. – Нет, Саша, нет!.. я скажу всю правду. Я не могу, я привыкла много издерживать. Не сердись на меня, Саша... уж я такая, что ж мне делать? Я зато правду говорю тебе.

Князь засмеялся. Шарлота Федоровна также начала смеяться и потом поцеловала князя. Она беспрестанно переменяла свои позы на низеньком диване, стоявшем перед камином; то ложилась на плечо к князю, то обвивала его рукой, усаживалась на диване совсем с ножками, то протягивала эти ножки, обутые в бледно-розовый чулок и туфли с каб-

лучками, к камину. Часы пробили двенадцать.

– Ах, мне пора! – воскликнула Шарлота Федоровна, быстро вскакивая с дивана.

Она сделала два шага и вдруг остановилась.

– Знаешь что? Мне захотелось ужинать, Саша, – сказала она. – Я еще хочу остаться с тобой. Ты хочешь со мной ужинать?.. Ты хочешь, чтобы я осталась немного?

(Нельзя не заметить, что у этих дам всегда прекрасный аппетит.)

– Прекрасно, – отвечал князь, – только весь наш ужин будет состоять из холодной пулярки и сыра.

– Это чудо! Лучше ничего не надо! – закричала Шарлота Федоровна.

Ужин был принесен. Шарлота Федоровна скушала почти половину пулярки и выпила три стакана шампанского. Щеки ее разгорелись, развившиеся волосы падали на лицо. Она была очень хороша в эту минуту, и князь, глядя на нее, был очень доволен собой. Он любил ее в эту минуту, хотя, как истинный *comme il faut*, считал неприличным слишком

обнаруживать свои чувства. Он держал себя с нею постоянно одинаково прилично и несколько равнодушно.

Часу в третьем князь сам довез ее до дома и выпустил, не доезжая до ее подъезда дома за два.

Такие свидания бывали раза два в неделю. Шарлота Федоровна была действительно привязана к князю, и эта привязанность выражалась очень наивно. Один раз из кармана ее платья посыпались какие-то бумажки. На вопрос князя: «Что это?» – она отвечала, что это билеты в лотерею; что одна ее знакомая (промотавшаяся камелия) разыгрывает свою турецкую шаль.

– Я взяла много билетов и много раздала, – прибавила Шарлота Федоровна, – мне очень жаль ее!

– А почему билет? – спросил князь.

– По двадцати пяти рублей.

– Дай мне четыре билета.

– Ни за что! – вскрикнула Шарлота Федоровна, – я знаю, кому отдать. У меня много таких... А я не хочу, чтобы ты попусту тратил деньги... у тебя денег мало. Зачем брать! не

нужно.

Князь иронически улыбнулся.

– Что ж, ты воображаешь, – сказал он, – что я не в состоянии бросить ста рублей, если захочу?

Князь насильно взял у нее билеты и бросил деньги на стол.

Но Шарлота Федоровна-таки поставила на своем: она не взяла этих денег и отняла у него билеты, несмотря на его гнев.

Она не хотела подвергать его ни малейшим издержкам и даже упрекала его за то, что он много издержал на квартиру и слишком хорошо меблировал ее.

– Нам было бы довольно одной комнаты и одного дивана, Саша! – говорила она.

Князь подарил ей браслет с часами, и она не рассталась с ним, она постоянно носила его и берегла все его письма, как драгоценность. На эти письма Шарлота Федоровна отвечала раздушенными записочками на отличном французском языке, которые обыкновенно писала ей одна из ее приятельниц, та самая, в квартире которой князь имел свидания.

– Ты мне скажешь правду? – спросил он у Шарлоты после получения одной из ее записок, поразившей его уж слишком сильной изящностью слога.

– Ну, конечно, а разве я лгу когда-нибудь? – возразила она, нахмутив брови.

– Ну, так скажи мне, кто тебе писал эту записку?

– Я писала сама, – отвечала Шарлота Федоровна оскорбленным тоном.

– Нет, не ты, – отвечал князь спокойно. – Ты двух слов не напишешь правильно ни по-каковски.

Шарлота Федоровна клялась, что это писала она; наконец рассердилась, надулась и заплакала, но чрез минуту призналась во всем и, с беспокойством глядя в глаза князю, спрашивала его:

– Саша, ведь ты не будешь меня меньше любить оттого, что я безграмотна?

Она, точно, была привязана к князю и привязана бескорыстно, в этом нельзя было сомневаться, но в то же время она кокетничала и водила за нос одного молодого, очень богатого русского купчика, который из тщеславия

готов был разориться на нее в пух, и другого известного почтенного старичка из немцев, нажившего миллионы посредством золотых промыслов. Почтенный старичок был влюблен в нее до безумия. Он таял при одном взгляде на нее и чуть не заплакал, когда она в первый раз позволила поцеловать ему руку. Шарлота Федоровна нежно смотрела на почтенного старичка, называла его «папашей» и, пользуясь его слабостью, обирала его самым беспощадным образом, показывая ему в отдалении только слабый луч надежды. Она была даже у него два раза, и почтенный старичок чуть не помешался от этого счастья. Он показал ей все свои драгоценности: старое серебро, китайский и саксонский фарфор, мраморы и бронзы, и, кроме серебра и мраморов, все эти вещи вскоре перешли к Шарлоте Федоровне... А почтенный старичок все жил только слабым лучом надежды. Говорили, что молодой купчик был счастливее его, но что счастье его было кратковременно и обошлось ему недешево: он заплатил по векселям Шарлоты Федоровны около двадцати тысяч рублей серебром, и после этой уплаты

дверь Шарлоты Федоровны заперлась для него навсегда. Темные слухи обо всем этом давно ходили между великосветскою молодежью, которую очень занимали скандальные похождения всех этих дам за неимением других интересов, – и, вероятно, дошли до князя Езерского. Князь спросил ее о купчике и о старике-золотопромышленнике. Шарлота Федоровна вспыхнула, начала клясться и божиться, что о купчике не имеет никакого понятия, что она слишком дорожит собой и таких... (она произнесла при этом: фи! и сделала гримасу) не пускает на порог своего дома, что с старичком – золотопромышленником она действительно встречается у своих приятельниц и что он строит ей куры, но что никаких вещей он никогда не думал дарить и что она ни за что не приняла бы от него в подарок даже букета цветов, что он ей гадок, противен, и прочее. Затем Шарлота Федоровна начала жаловаться, что Саша слушает про нее всякие гадкие сплетни и верит им, что он ее не любит, и прочее. Все, впрочем, окончилось благополучно, слезами и поцелуями.

Летом Шарлота Федоровна переехала на

дачу на острова, а уважаемый всеми господин, вследствие расстроенного здоровья, по настоянию докторов, должен был уехать за границу. Прощание его с Шарлотой Федоровной было, говорят, истинно трогательно, так что все присутствующие прослезились. Он целовал ее руки и ноги, кряхтя и охая становился перед нею на колени, рыдал на ее груди, взял с нее торжественную клятву оставаться ему верной до возвращения, поручил своему управляющему выдавать ей все так, как выдавалось при нем, и, кроме того, положил на ее имя в ломбард довольно порядочную сумму с тем, чтобы она только пользовалась процентами. Шарлота Федоровна последним распоряжением не была, впрочем, довольна. Она, несмотря на все, сумела каким-то образом задолжать огромные деньги своей модистке и в различные магазины.

На другой же день после отъезда уважаемого господина Шарлота Федоровна переехала на дачу, которая вся была уставлена цветами, — и в тот же вечер явился к ней князь Езерский, который просидел у нее до утра. Никогда она не чувствовала себя более счаст-

ливой: она была почти свободна. Почтенный старичок из немцев нанял также дачу на островах. Шарлота Федоровна принимала его к себе, не скрывая этого от князя, и заставляла делать почтенного старичка страшные дурачества, что, между прочим, очень забавляло и развлекало князя. Старичок в угодность ей носил соломенную пастушескую шляпу; она постоянно украшала его бутоньерку цветком, устраивала у себя маленькие танцевальные вечера и заставляла его танцевать, делать соло во французском кадриле и прочее.

Несмотря на все эти и еще более существенные пожертвования, дела старичка не подвигались. Прошло лето, наступила осень, и Шарлота Федоровна переехала на свою городскую квартиру. Стала зима. Старичок, мучимый ревностью, терял всякое терпение и решился обратиться к приятельнице Шарлоты Федоровны, к Лине Карловне, той самой, которая писала для Шарлоты Федоровны изящные записки на французском языке.

Лина Карловна не отличалась красотой, но имела ум вкрадчивый и проницательный; она получила довольно хорошее воспитание

в каком-то пансионе за границую и развила себя чтением. Лина Карловна не увлекалась тщеславным внешним блеском, она была невзыскательна, экономна, кротка и тиха. Покровителем ее был, говорят, простой русский купец, с бородкой, но очень богатый, который привязался к ней сильно, плененный ее добродетелью, скромностью, аккуратностью и чистоплотностью. Лина Карловна жила тихо, откладывая деньги в ломбард и брала их оттуда для того, чтобы отдавать за огромные проценты своим приятельницам, разумеется, скрывая от них, что это ее деньги. Лина Карловна каждое воскресенье с своей книжечкой ходила в церковь, любила рассуждать о предметах нравственности и вообще более походила на сестру милосердия, чем на лоретку. Злые языки говорили, впрочем, что у Лины Карловны есть также свой Артюр – первая скрипка в опере.

Она встретила почтенного старичка, занимавшегося золотыми промыслами, без удивления и с большим участием и вниманием выслушала исповедь его долготерпеливой любви. В продолжение его речи, не совсем

складной и с запинками, Лина Карловна по временам выпускала глубокие вздохи, а в местах слишком щекотливых застенчиво потупляла глаза. Когда он кончил, прося ее совета, она отвечала:

– Все, что я могу вам сказать, – это то, что Шарлота Федоровна очень вас уважает и любит. Она немножко легкомысленна, но, я могу вас уверить, очень умеет ценить людей солидных, – вы это увидите; будьте покойны.

Лина Карловна говорила тихо, скромно, однозвучно и убедительно, вставляя иногда в разговор очень кстати нравственные сентенции, и привела в совершенное восхищение почтенного старичка, который высоко ценил скромность и добродетель.

С этого дня он очень часто прибегал за советами к Лине Карловне. Лина Карловна действовала в его пользу; к тому же поле действия с некоторого времени было очищено. Князь выехал на несколько времени из Петербурга по делам службы...

После долгих совещаний и переговоров решено было, что почтенный старичок для достижения своих целей должен был заплатить

самые беспокойные и важные долги Шарлоты Федоровны.

Он согласился на все, просиял, сделал какой-то драгоценный подарок Лине Карловне и составил в голове своей восхитительную пасторальную фантазию совершенно в немецком вкусе, которая должна была разыграться в счастливый для него день.

Условились так, чтобы накануне Нового года ужинать втроем у Донона. Старичок заказал великолепный ужин. После ужина он должен был отвезть Шарлоту Федоровну домой; но так как он приготовлял для нее различные сюрпризы, то Лина Карловна пригласила Шарлоту Федоровну на целый день к себе. Старичок послал к ней на квартиру целый лес деревьев и камелий в цвету и роскошно разубранную корзинку, вроде *corbeille de pose*, которая была доверху наложена различными дорогими галантерейными вещами: брошками, браслетами, кольцами и на дно которой были положены два ломбардных билета, по 5000 рублей каждый.

Шарлота Федоровна с утра явилась к Лине Карловне. Шарлота Федоровна была в некото-

ром волнении. Она показала своей приятельнице два письма, которые только что получила: одно от всеми уважаемого господина, который писал ей, что здоровье его значительно поправилось, что он совершенно посвежел и помолодел, надеется возвратиться скоро в Петербург, ждет с ней минуты свидания, как величайшего блаженства, и надеется вполне, что она сдержала клятву, данную ему при расставанье; другое письмо – от князя. Это не было так длинно и нежно, как первое: князь просто уведомлял, что он кончил свое дело неожиданно скоро и надеется возвратиться в Петербург гораздо ранее того, чем предполагал...

– Знаешь ли, Лина, у меня есть предчувствие, – сказала Шарлота Федоровна, – что Саша приедет сегодня, и я знаю, что он прямо приедет ко мне, в котором бы это часу ни было... Нельзя ли как-нибудь отделаться от этого противного и сладкого старичишки?

– Это нехорошо, – отвечала Лина Карловна, – вспомни, Шарлота, какой он благороднейший человек... Надо быть внимательнее к такого рода людям; ты уж зашла с ним слыш-

ком далеко. Сколько денег и вещей ты перебрала у него!

– Ах, я несчастная! – вскричала Шарлота Федоровна. – Я безумная, я не знаю, зачем я это все сделала. Я возвращу ему его вещи, его деньги...

– Ты говоришь неправду, это пустяки, – перебила Лина Карловна, – ты этого не сделаешь и не можешь сделать; ссориться с ним и оскорблять его тебе не следует. Подумай, что он может пригодиться тебе. На твоего покровителя рассчитывать долго нельзя. Он еле дышит, хоть и рассказывает, что помолодел; князь же твой... ну, это что такое? каприз, больше ничего – он более, я думаю, стоит тебе, нежели ты ему... Если же ты дала слово, так и должна сдержать его... Он свое сдержал...

Шарлота Федоровна надулась. Лина Карловна подошла к ней с истинно материнской нежностью и поцеловала ее...

– Знаешь ли, Шарлота, – продолжала она с таинственной вкрадчивостью, – он приготовил тебе такие сюрпризы... ты уж никак не ожидаешь – и все это будет послано к тебе се-

годня. Видишь ли, какой человек!.. И ты, ду- рочка, не ценишь своего счастья... – прибави- ла она с нежностью, – а знаешь ли, что я не встречала женщины такой счастливой, как ты...

При слове «сюрпризы» глаза Шарлоты Фе- доровны засверкали.

– Что такое, душенька Линочка, какие сюр- призы? скажи мне! – вскрикнула она, ожив- ляясь.

– Ты увидишь...

– Но скажи, в каком роде? Что такое?.. Ка- кой-нибудь браслет!.. но они уж мне надое- ли... У меня их столько! – произнесла с грима- сою и как бы думая вслух Шарлота Федоровна и потом обратилась к Лине Карловне. – Послу- шай, Лина, – сказала она, – я слово свое сдер- жу, я тебе клянусь, но только не сегодня, по- жалуйста, не сегодня... Милая Линочка, спаси меня, помоги мне...

– Что же я могу тебе сделать?

– Ты только не оставляй меня одну с ним... я прошу тебя об этом...

Лина Карловна несколько минут колеба- лась, но потом согласилась, расцеловала Шар-

лоту и сказала:

– Ну, смотри, Шарлота, только сдержи свое слово.

Почтенный старичок явился на ужин раздушенный и завитой. Продолговатое и рябоватое лицо его лоснилось от счастья. На нем был фрак, тончайшая рубашка, застегнутая солитером, и желтые перчатки. Он точно нарядился на свадьбу, недоставало только белого галстуха. Ужин был сервирован великолепно, комната затоплена светом по его приказанию. На столе стояли, между прочим, две вазы с редчайшими букетами цветов.

Ужин, однако, не мог назваться одушевленным. Шарлота Федоровна была не то задумчива, не то рассеяна. Лина Карловна не отличалась вообще большою живостью. Она говорила, как всегда, очень умно, рассудительно и серьезно, стараясь развлечь старичка, который все с беспокойством посматривал на Шарлоту Федоровну. Раздавался только стук ножей и вилок о тарелки и мерный, несколько монотонный голос Лины Карловны. Самые свечи горели как-то тускло и цветы в вазах опустили головки и начинали вя-

нуть преждевременно.

Что, если б каким-нибудь образом за этим ужином вдруг очутилась Арманс? Я убежден, что с ее появлением все воскресло бы и одушевилось, шампанское заиграло бы сильнее в бокалах, цветы подняли бы головки, свечи загорелись бы ярче, комната огласилась бы криком, песнями и хохотом. Француженки удивительны в таких случаях!

Когда после ужина почтенный старичок обратился к Шарлоте Федоровне с предложением довести ее, Лина Карловна сказала ему: «Я надеюсь, что вы будете уж так любезны, что и меня довезете. Мы как-нибудь усядемся втроем». Почтенный старичок невольно скорчил гримасу и с недоумением посмотрел на Лину Карловну, которая не хотела заметить этого взгляда...

Квартира Шарлоты Федоровны была ближе, и потому надобно было завезти ее первую. Дорогою все трое молчали; старичок целовал кисть руки Шарлоты Федоровны у самой пуговицы перчатки. Карета повернула в ту улицу, в которой жила Шарлота Федоровна. Шарлота Федоровна с беспокойством выдер-

нула свою руку из руки почтенного старичка и начала глядеть в окно...

– Папаша, милый папаша! – сказала Шарлота Федоровна, – вы на меня не сердитесь, я прошу вас...

Карета подъезжала к дому. Шарлота Федоровна с нетерпеливым волнением опустила стекло, взглянула наверх и увидела свет в окне своей маленькой гостиной... «Саша приехал! Саша здесь!» – промелькнула у нее мысль. Ее предчувствие сбылось.

– Я не могу, – продолжала она, – не могу сегодня... Клянусь, не могу!.. Лина скажет вам почему... не браните меня.

Карета остановилась в это мгновение – и Шарлота Федоровна так быстро выскочила из кареты, так быстро исчезла в дверях подъезда, что почтенный старичок не скоро мог опомниться. Лина Карловна высунулась из окна и закричала кучеру, чтобы он ехал к ней. Карета двинулась.

Все очаровательные фантазии старичка вдруг разрушились. Вся идиллия, придуманная им заранее, разлетелась в прах: поднесение корзины с вещами и ломбардными би-

летами, лес камелий, через которые они должны были проходить, – все эти сюрпризы, от которых, конечно, Шарлота Федоровна должна была прийти в восторг; наслаждение этим восторгом, когда она при нем стала бы рассматривать эти вещи, ее благодарность, ее нежные взгляды на него, – все, все исчезло, как сон... Почтенный старичок вдруг очнулся, терзаемый гневом и отчаянием.

– Что же это все значит? – сказал он задыхающимся голосом, обращаясь к Лине Карловне. – Разве так поступают с порядочными людьми? Это гадко, подло... я не позволю вертеть собой, как пешкой... я...

– Успокойтесь и выслушайте меня, будьте рассудительным, – произнесла Лина Карловна своим кротким и убедительным голосом.

– Но нельзя же так поступать... Надо знать совесть, стыд; она водит меня больше года...

– Любите ли вы ее или нет? – перебила его Лина Карловна...

– Люблю ли я ее! – вскрикнул он, разрывая перчатки и бросая их, – я с ума схожу, я умираю от любви к ней... У меня жена, дети, я отец семейства – и для нее я забыл все; я ком-

прометирую себя, я не щажу для нее ничего... Люблю ли я ее!.. А она смеется надо мной!

– Прекрасно. Если вы любите ее, так выслушайте меня и будьте рассудительны. Она вас не обманывает, она не смеется над вами, – за это я вам отвечаю, а я в жизнь свою еще никому не сказала неправды. Знаете ли, что она борется между долгом к своему покровителю и расположением к вам? Мы все обязаны исполнять наш долг. Это первое. Положим, она не любит его, но она всем ему обязана и она чувствует это. Это ее убивает; она сегодня целый день проплакала у меня. Она говорит, что она должна вести себя так, чтобы он не имел права ни в чем упрекать ее. Если вы любите ее, вы должны оценить в ней эти похвальные, прекрасные черты. Благодарность показывает хорошее сердце. Сегодня она особенно расстроена, потому что получила от него письмо... Но это пройдет, она обдумает все и поймет, что вам она обязана такою же благодарностью. Я ей повторяю это беспрестанно; она, впрочем, сама это чувствует. Она имеет к вам, я вам скажу, даже какую-то особенную нежность... Успокойтесь, ради бога,

мой добрый друг! – прибавила Лина Карловна в заключение, пожав с участием руку старичка, – будьте рассудительны.

Слова эти действительно произвели на него успокаивающее действие, и он нашел, что чувства благодарности Шарлоты Федоровны к своему покровителю точно делают ей величайшую честь, а самолюбие заставляло его верить, что Шарлота Федоровна питает к нему особенную нежность, но все еще какое-то неопределенное сомнение тревожило его.

– А князь Езерский? – спросил он, повернувшись к Лине Карловне всем туловищем.

– Об этом и говорить не стоит. Это увлечение в ней совсем прошло; к тому же его теперь нет в Петербурге и она совсем забыла об нем.

Когда карета подъехала к дому, где жила Лина Карловна, она еще раз взяла его за руку и своим вкрадчивым голосом сказала:

– Не сердитесь на нее, не показывайте ей, что вы огорчены. Это ее ужасно расстроит, – я знаю. Дело ваше будет устроено – и скоро – в этом я вам отвечаю, а я никогда напрасно не

говорю... Слушайте только во всем меня. Потерпите немного и будьте рассудительны.

Почтенный старичок расцеловал ручки Лины Карловны и простился с нею...

Когда Шарлота Федоровна выскочила из кареты, она так нетерпеливо дернула ручку звонка, что все люди в доме всполошились.

– Кто здесь? – спросила она у лакея. – Отчего огонь наверху?

– Вас дожидаются князь Александр Кириллыч, – отвечал человек, – они уже больше часа здесь...

Шарлота Федоровна сбросила с себя салоп и взбежала наверх с биением сердца и, запыхавшись, бросилась на шею своему Саше.

Князь холодно прикоснулся к ее лбу и спросил:

– Откуда так поздно?

Князь уже успел после приезда видеться с некоторыми своими приятелями, которые передали ему, разумеется, с преувеличениями, все похождения его возлюбленной. К тому же князь, начинавший в это время ухаживать за одной знаменитой певицей, искал, кажется, только предлога, чтобы расстаться с Шарло-

той.

– Я была у Лины, – отвечала Шарлота Федоровна, нимало не задумавшись, – она, бедная, нездорова... Ах, как я рада тебя видеть, Саша!.. Мое сердце предчувствовало, что ты сегодня приедешь!..

– В самом деле, – перебил князь, – я вижу по всему, что ты ждала меня.

– Да что с тобой, Саша? Полтора месяца не видал меня и хоть бы сколько-нибудь обрадовался мне!.. – жалобным голосом простонала Шарлота Федоровна...

– Что, ты замуж выходишь? – спросил князь, не обращая внимания на ее слова.

– Ты с ума сошел!.. Что с тобой?..

Князь взял со стола свечу и пригласил с собою Шарлоту Федоровну в большую гостиную, которая была решительно превращена в сад, и подвел ее к столу, стоявшему посредине комнаты, заваленному различными книжками в раззолоченных переплетах, на которых поставлена была корзинка, убранный цветами и лентами.

– Это что такое? – спросил он. – Кто этот счастливец, который на тебе женится?

Шарлота Федоровна поняла, что лес камелий и эта корзинка – сюрпризы почтенного старичка... Ей смертельно захотелось открыть корзинку и посмотреть, что в ней, но она удержалась и произнесла с гримасой:

– Я и не знаю, что это такое... Это глупости, о которых я и не подозревала. Я уверена, что это прислал мне этот поганый старичишка (она назвала фамилию почтенного старичка, занимавшегося золотыми промыслами); он мне надоел с своими подарками – и я завтра же отошлю ему все это назад.

– Ты лжешь, – сказал князь, приподнимая крышку корзинки, вытаскивая оттуда поодиночке браслеты, брошки и проч. и бросая их, – такие вещи не дарят так, даром, и ты не отошлешь их...

Князь дорылся до ломбардных билетов, взглянул на них, показал ей и спросил, засмеявшись:

– И это тоже так?.. Он все это посылает тебе только за одни твои прекрасные глазки? Ты лжешь нагло. Это противно. Я знаю все твои проделки, ты меня не обманешь...

Князь вышел из себя, несмотря на свою

утонченную деликатность, и наговорил тысячу разных оскорблений бедной Шарлоте Федоровне.

Она молчала. Она стояла несколько минут бледная, как смерть, не шевелясь, и вдруг схватила себя за голову, зарыдала и упала на стул.

Князь холодно произнес:

– Пожалуйста, без сцен. Это напрасно.

И вышел из комнаты.

Шарлота Федоровна с криком: «Саша! Саша! выслушай меня!» бросилась за ним, но князь уже сбежал вниз. Она несколько времени простояла на одном месте с помутившимися и остолбеневшими глазами, потом вдруг начала судорожно дергать снурок звонка и кричать: «Дайте мне салоп и шляпку... Извозчика!.. (Она хотела догонять его.) Скорей, скорей!» Горничная в испуге прибежала на этот крик... Но Шарлота Федоровна так ослабела, что упала на руки горничной почти без памяти. Ее кое-как раздели и уложили.

На следующее утро она встала очень бледная и расстроенная, что не помешало, однако, ей рассмотреть в подробности все вещи, при-

сланные почтенным старичком, и спрятать в шкатулку ломбардные билеты. Это занятие несколько развлекло ее – и она велела закладывать коляску, чтобы проехаться.

В этот же день она получила от князя очень вежливое и сухое письмо. Он извинялся, что оскорбил ее, не имея на то никакого права, и вместе с этим посылал ей три тысячи рублей. Мысль, что он был Артюром этой женщины, не давала покоя его великосветскому самолюбию, и посылкою этих трех тысяч рублей он думал расквитаться с нею и несколько успокоить себя. Шарлота Федоровна тот час же отослала ему назад эти деньги при следующей записке, которую она сама кое-как нацарапала: «Я не ждала это от вас. После этого все между нами кончено, а я любила вас и не продавала вам себя, – денег ваших мне не нужно».

Две недели после этого она была неутешна, плакала и жаловалась на судьбу и не виделась ни с кем, кроме Лины Карловны. Через две недели она начала опять показываться в публике и принимать к себе почтенного старичка, занимающегося золотыми промысла-

ми... Через полтора месяца она совсем утешилась и свела, говорят, очень короткую приятельницу с каким-то знаменитым приезжим артистом. Артист этот поступил на очистившуюся вакансию Артюра.

Вот что такое Шарлота Федоровна, распорядившаяся пикником в Лесном институте в среду на масленице. Она, как видно, процветает до сей минуты и окружена толпою поклонников.